

Нагорная Александра Викторовна

МЕТАФТОНИМИЯ В СФЕРЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье анализируется действие механизма метафтонимической проекции при концептуализации эмоций в современной англоязычной культуре. Объектом исследования являются дескрипторы эмоциональных состояний, использующие соматическую лексику для обозначения психических процессов. В работе показана роль метонимии в инкорпорировании телесных динамик в процесс осмысления эмоций и продемонстрированы функции метафоры в передаче качественных характеристик эмоционального состояния.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.111-26

Филологические науки

В данной статье анализируется действие механизма метафтонимической проекции при концептуализации эмоций в современной англоязычной культуре. Объектом исследования являются дескрипторы эмоциональных состояний, использующие соматическую лексику для обозначения психических процессов. В работе показана роль метонимии в инкорпорировании телесных динамик в процесс осмысления эмоций и продемонстрированы функции метафоры в передаче качественных характеристик эмоционального состояния.

Ключевые слова и фразы: метонимическая и метафорическая проекция; метафтонимия; вербальная репрезентация; концептуализация; эмоция; экспериенциальный базис; соматический маркер.

Нагорная Александра Викторовна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
alnag@mail.ru

**МЕТАФТОНИМИЯ В СФЕРЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Термин «метафтонимия» был предложен Л. Гуссенсом [14] для обозначения сложных процессов взаимодействия метафоры и метонимии в естественном языке. Его введение в научный обиход продиктовано желанием обеспечить более системное, холистическое видение когнитивных механизмов, задействованных в процессе понимания и концептуализации мира. Не отрицая существования двух качественно разных когнитивных процессов, ученые предлагают признать их частями некоторого единого когнитивного континуума, в рамках которого они могут вступать между собой в разнообразные отношения, образуя гибридные формы различной структуры, с различным «удельным весом» сходства и смежности [4; 9; 12; 20].

Подобная трактовка когнитивных процессов системно и органично вписывается в современные представления о телесно-детерминированной природе языкового значения. Один из центральных постулатов теории воплощенного значения гласит, что «многие абстрактные понятия частично воплощены, поскольку они возникают из телесного опыта и продолжают корениться в систематических паттернах телесных действий» (*перевод автора – А. Н.*) [13, р. 12]. Центральная роль в обеспечении связи между телесным опытом и абстрактным понятием отводится метонимии, которая создает когнитивные предпосылки и формирует прочный когнитивный базис для процессов метафоризации. Эта схема четко эксплицирована в работах Н. Ю, где предлагается следующая модель перехода от конкретного опыта к абстрактным понятиям: телесный опыт – метонимия – метафора – абстрактные понятия [30]. Если принять данную точку зрения, любой метафорический перенос следует признать метафтонимическим с жестко заданной траекторией – метафора «надстраивается» над метонимией.

Идея о близости метонимии к экспериенциальному базису не оригинальна и в той или иной форме высказывается многими лингвистами. Б. Уоррен, например, пишет о том, что метафора всегда предполагает элемент гипотезы, в то время как метонимия отражает фактические связи в мире [29, р. 14-15]. Ей вторит Дж. Барнден, утверждающий, что в отличие от метафорических связей, которые фактически навязываются миру нашим сознанием, метонимические связи отражают объективно существующие в мире отношения [5, р. 8]. Необходимо, однако, сделать три существенных поправки. Во-первых, не следует абсолютизировать объективность отношений смежности, которые передает метонимия, поскольку, как справедливо замечает Р. Дирвен, перефразируя известную поговорку, «смежность сама в определенной степени в глазах смотрящего» (*contiguity is itself to some extent partly in the eye of the beholder*) [9, р. 79]. Во-вторых, не всегда представляется возможным четко дифференцировать смежность и сходство, и, как показано Дж. Барнденом, смежность может частично принимать форму сходства, и наоборот [5, р. 14-18]. И, в-третьих, укорененность метонимии именно в *телесных* динамиках требует дополнительного экспериментального подтверждения.

Одновременно с этим языковые факты свидетельствуют об отсутствии единой, четкой, не знающей исключений линии метонимо-метафорических проекций. З. Кёвечеш высказывает мнение о том, что метонимия обуславливает лишь так называемые «коррелятивные метафоры», в то время как «метафоры сходства» не обнаруживают связи с ней [15, р. 75]. Сам автор термина «метафтонимия» описывает три варианта соотношения: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры и метафора внутри метонимии [14].

Существует, однако, сфера, где предложенная Н. Ю схема прослеживается достаточно четко, и в рамках которой наблюдается выраженная тенденция к последовательному метонимо-метафорическому переносу. Речь идет о сфере концептуализации эмоций и эмоциональных состояний человека.

Являясь неотъемлемой частью жизни и важнейшим компонентом субъективного опыта человека, эмоции активно манифестируются в речи и формируют обширный и легко идентифицируемый репертуар вербальных средств. В его составе принято выделять три основные группы: 1) экспрессивные средства выражения эмоции (эксплетивы, междометия); 2) лексические средства терминологического типа, обозначающие эмоции (*радость, печаль, гнев; сердиться, грустить; happiness; sorrow, anger; angry, happy* и т.п.); 3) образные средства, описывающие эмоцию («*у меня внутри все опустилось*», «*I had cold feet*») [3, с. 34; 15, р. 5-6].

Единицы первой и второй группы не представляют для нас интереса в связи с отсутствием метонимометафорического компонента в их семантике. Что касается третьей группы, следует отметить, что в ее состав входят единицы нескольких разных типов, и мы ограничимся рассмотрением лишь одного из них. В фокусе нашего внимания словосочетания, описывающие эмоции в терминах физиологических состояний («*my heart sank*» – «*мое сердце утонуло*», «*icewater flooded through my veins*» – «*ледяная вода текла по моим венам*», etc.). Наша задача заключается в том, чтобы опровергнуть бытующее представление о сугубо метафорическом характере подобного рода концептуализаций и показать роль метонимии в создании данного типа концептуальных проекций.

Материалом для исследования послужили произведения современного американского писателя У. Стайрона «Выбор Софи» (*Sophie's Choice*), «Признания Ната Тернера» (*The Confessions of Nat Turner*), «Долгий марш» (*The Long March*), «И поджег этот дом» (*Set This House on Fire*), а также рассказы из сборников «Утро в полосе приливов» (*A Tidewater Morning*) и «Самоубийственный марш-бросок» (*The Suicide Run*). Выбор материала обусловлен тем, что писатель уделяет значительное внимание эмоциональной сфере своих персонажей и использует обширный репертуар средств для ее описания. Немаловажную роль сыграли литературные предпосылки автора настоящей статьи и желание способствовать популяризации блестящих произведений этого малоизвестного в России писателя. Отказ от анализа искусственно сконструированных предложений, а также лексикографических данных и обращение к сфере высокой литературы продиктовано стремлением показать реальное функционирование изучаемых единиц в речи. Данный подход согласуется с позицией членов группы *Pragglejazz*, проповедующих так называемый *real-life approach* к анализу языкового материала [21]. Общее количество единиц в выборке, подготовленной для написания данной статьи, составило 240 единиц.

Представляется целесообразным предварить анализ языкового материала рядом замечаний общего характера.

Описание эмоциональных состояний в терминах физиологических реакций не является неким «лингвистическим казусом» и в полной мере соответствует феноменологической специфике эмоции. Современные психологи, окончательно отмежевавшись от декартовского противопоставления тела и души, признают эмоции сложным комплексом физиологических и психических процессов (см., например, [1]). Более того, наблюдается тенденция к физиологизации эмоций. А. Дамазио, например, указывает, что сущность эмоции – «это собрание изменений в состоянии тела, которые вызываются в мириадах органов терминалами нервных клеток под контролем соответствующей системы мозга» (*перевод автора – А. Н.*) [8, р. 139]. Даже если придерживаться старой, сугубо психической, трактовки эмоций, нельзя отрицать тот факт, что в момент сильного эмоционального переживания человеческое сознание регистрирует, как правило, специфические телесные сигналы (учащенное или замедленное сердцебиение, повышение или понижения температуры тела, ощущение тяжести или опустошения в груди и т.п.), лишь позже, ретроспективно, относя их на счет испытываемой эмоции. Существуют обширные эмпирические данные, свидетельствующие о том, что люди часто осознают наличие специфического соматического компонента эмоции, не осознавая при этом наличия самой эмоции (см., например, данные о тревожных расстройствах и депрессии в [6]).

С другой стороны, экспликация физиологического компонента эмоции может обуславливаться сугубо психологическими причинами: желанием «объективировать» эмоцию, придать ей большую степень реальности, снять с себя возможные обвинения в чрезмерной эмоциональности.

Для обозначения схватываемого сознанием комплекса физиологических реакций, связанных с действием определенной эмоции, используется несколько терминов, наиболее удачным из которых нам представляется предложенный А. Дамазио «соматический маркер эмоции» [7, р. 174]. В отличие от «физиологической реакции», «телесного отклика» и т.п., термин «соматический маркер» репрезентирует физиологический компонент как неотъемлемую часть единого психофизиологического процесса, а не некий эпифеномен, своеобразный соматический привкус, «довесок» к психическим явлениям более высокого порядка.

Поскольку соматический маркер интегрирован в эмоцию, его вывод в речь для описания эмоционального состояния следует признать метонимическим переносом. Данная идея никак не может претендовать на оригинальность, поскольку она неоднократно высказывалась в лингвистической литературе (см., например, [28]). Гораздо большего внимания заслуживает вопрос о том, почему такой перенос не может быть чисто метонимическим и всегда сопровождается процессом метафоризации. Ответ на него следует искать в феноменологии перцептуальной сферы человека, в особенности сферы interoцептивных (внутрителесных) ощущений.

Интероцептивные ощущения, локализуемые во внутренней среде организма, обладают рядом уникальных свойств, препятствующих их когнитивному освоению и выводу в речь. Поскольку мы неоднократно затрагивали данный вопрос в предыдущих статьях (см., например, [18]), ограничимся указанием лишь на наиболее релевантные для нас свойства, среди которых следует назвать ненаблюдаемость, внесоциальность и принципиальную неверифицируемость. Не имея возможности использовать традиционные перцептуальные процедуры для их восприятия, а также сравнить полученный перцептуальный опыт с соответствующим опытом других людей, человек вынужден осуществлять поиск концептуальных ориентиров, которые позволили бы ему локализовать испытываемое им ощущение в определенной системе когнитивных координат. Источником таких ориентиров неизменно становится внешняя по отношению к человеку среда. Внутрителесные явления осмысливаются по модели тех явлений и процессов, которые человек наблюдает во внешнем мире и в которых он оказывается задействован. Анализ языковых фактов показывает, что наиболее важными домненными областями, служащими источником проекций на область внутрителесных ощущений, являются движение и взаимодействие с объектами окружающего мира. Так, например, ощущение может описываться

как перемещение органа по внутрителесному пространству, которое может осуществляться в том числе и по сложной траектории (*my heart sank / мое сердце утонуло* (здесь и далее **перевод буквальный** – А. Н.); *my stomach did a backover flip / мой желудок сделал кувырок назад*) как результат воздействия некоторого объекта, онтологически принадлежащего внешней по отношению к телу среде (*I felt a stab in my stomach / Я почувствовал удар ножом в желудке*) и множеством других способов.

Открытым остается вопрос о типологической принадлежности концептуальной проекции. На первый взгляд кажется очевидным, что механизмом, обеспечивающим перенос внешнего опыта во внутрителесную сферу, является метафора, поскольку речь идет о двух отчетливо противопоставленных друг другу, несмежных доменных областях. О метафоричности как о фундаментальном свойстве интероцепции пишут и современные психологи [2]. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что источником метафорических проекций становятся лишь те области, в которых человек оказывается задействован телесно, и он склонен экстраполировать на область внутреннего тела только тот опыт, который приобретает телом внешним либо телом как единым, нечленимым организмом. Следовательно, на более глубинном когнитивном уровне имеет место и метонимический перенос, с помощью которого «интериоризируется» внешний экспериенциальный опыт.

Таким образом, при данном типе концептуализации эмоции имеет место двойной метонимический перенос, сопровождаемый переносом метафорическим: соматический маркер служит «представителем» эмоции и в свою очередь концептуализируется как процесс, *подобный* тому, в котором задействовано внешнее тело человека. Мы не ставим вопрос о последовательности данных процессов, поскольку он представляется нам нерелевантным. Гораздо важнее для нас значительный «удельный вес» метонимии в данном метафтонимическом переносе и роль метонимии как экспериенциального базиса этой проекции.

Обратимся к языковому материалу и продемонстрируем возможности метафтонимического переноса в сфере концептуализации эмоций.

В произведениях У. Стайрона человек представлен как целостное, нечленимое единство материально-телесного и духовного. Выражаясь словами самого автора, человек – это «думающий биологический комплекс» (*a thinking biological complex*) [24, p. 171]. Психоэмоциональное неотделимо от физического, и грань между этими сферами размыта. Герои его произведений всегда «вдействованы» в описываемую ситуацию и переживают ее не абстрактно-интеллектуально, а непосредственно-телесно. Они способны испытывать *tactile delight* [22, p. 40] / *тактильное удовольствие*, *visceral excitement* [Ibidem, p. 70] / *висцеральное возбуждение*, *visceral thrill* [27, p. 134] / *висцеральное волнение*, *queasy visceral terror* [24, p. 64] / *тошнотворный висцеральный ужас*, *uncomplicated visceral bliss* [25, p. 149] / *незамысловатое висцеральное блаженство*, *intestinal nervousness* [Ibidem, p. 279] / *кишечную нервозность* и целый спектр других сложных психосоматических состояний.

В контексте нашего исследования заслуживает особого внимания вопрос о телесной локализации той или иной эмоции. «Висцеральное воображение» У. Стайрона вполне соответствует устоявшейся англосаксонской традиции: подавляющая часть эмоций локализуется в сердце и желудочно-кишечном тракте. Оговоримся, что подобное видение отнюдь не универсально и характерно далеко не для каждой культуры. С. Мармариду, например, пишет о том, что в иудейской культуре единственной частью тела, способной к переживанию эмоций, является лицо [17, p. 24]. Тенденция связывать эмоциональное состояние с сердечными и гастроэнтерологическими сенсациями в англо-саксонской культуре обусловлена особой «психологической инвестицией» [11, p. 155] в эти органы, которые напрямую ассоциируются с самой жизнью. Кроме того, деятельность этих органов достаточно легко распознается вследствие их физиологической специфики, и их «когнитивное освоение» начинается еще в раннем возрасте.

Сердце и желудок обычно признаются локусом всех базовых эмоций, включая страх, печаль, радость, удивление, гнев, отвращение, презрение, а также стыд и смущение (о базовых эмоциях см. [1, с. 63-64]). Примечательно, что эмоции, с позиции У. Стайрона, не обнаруживают выраженного тяготения к тому или иному органу, и одна и та же эмоция может локализовываться как в сердце, так и в желудке. Ср.: *His heart was seized by a despairing clumsy terror* [24, p. 397] / *Его сердце было охвачено отчаянным неуклюжим ужасом* vs. <...> *Her stomach gurgled in fear* [25, p. 279] / *Ее желудок бурчал от страха*; *My heart was instantly rolling with hatred, envy, and lust* [27, p. 57] / *Мое сердце немедленно стало переворачиваться от ненависти, зависти и вожделения* vs. <...> *my hatred for her now was like a sharp rock in the pit of my stomach* [26, p. 256] / *моя ненависть к ней была словно острый камень в недрах моего желудка*.

У. Стайрон отмечает и специфическую реакцию со стороны кишечника, которая, как правило, является частью эмоции страха: *she <...> felt her bowels give way with fear at the very idea that at last, with no more hesitations or delays, she must manage somehow to steal it* [25, p. 480-481] / *она ...почувствовала, как ее кишечник расслабился от страха при мысли о том, что теперь, без всяких сомнений и задержек, она должна как-то украсть его*; но может быть составляющей и общего, генерализованного состояния возбуждения: *the very idea of the book fevers me with such insupportable excitement that I can feel a loosening in my bowels* [26, p. 114] / *от одной только мысли о книге меня бросает в жар от такого невыносимого возбуждения, что я чувствую, как у меня кишечник расслабляется*.

У. Стайрон предлагает и ряд неортодоксальных «соматических решений», характерных лишь для его восприятия эмоциогенной ситуации: *outrage pulsing through his muscles and bones* [27, p. 30] / *ярость пульсировала у него в мышцах и костях*; *glacial fear that hammered at her bones* [25, p. 306] / *ледяной страх, который барабанил ему в кости*.

Кроме того, собственный богатый психосоматический опыт и многолетняя борьба с клинической депрессией (см. [23]) способствуют формированию у писателя особой настроенности на восприятие соматических

маркеров эмоций и тонкой нюансировки в их вербальной репрезентации. Стайрону свойственно комплексное видение стрессовой ситуации, он способен распознать отдельные ноты в сложном психосоматическом аккорде и точно расписать партитуру. Ср.: <...> *anxiety began to steal over me, announcing itself with a faint numbness in my extremities, an urgent heartbeat, pain all around the bottom of my stomach* [26, p. 302] / *ко мне стало подкрадываться беспокойство, заявляя о своем присутствии едва уловимым онемением конечностей, настойчивым биением сердца, болью по всему желудку*. Писатель тонко чувствует сложную, многоаспектную природу эмоций, эксплицируя ее в комплексных, многомерных словесных образах. В пределах одного компактного высказывания он способен отразить локализацию, качественные характеристики и персистирующий характер состояния: *The sense of excitement, gut-deep, warm, squirmy, returned irresistibly* [Ibidem, p. 184] / *Чувство возбуждения, в самой глубине, теплое, спокойноно ерзающее, вернулось*; *His heart was seized by a despairing clumsy terror* [24, p. 397] / *Его сердце было охвачено отчаянным неуклюжим ужасом*.

Писателю свойственна тенденция к объективации, «овеществлению» эмоций. Спектр используемых стратегий вербальной репрезентации широк. Так, например, может описываться способ воздействия эмоции на физическое тело. Эмоция «ударяет», «выворачивает», «царапает» тело: *a sharp stab of hatred* [25, p. 300] / *острый удар ненависти*; *a stab of fear in the middle of my heart* [Ibidem, p. 577] / *удар страха в самом центре моего сердца*; *he felt anguish wrench at his heart* [24, p. 527] / *он почувствовал, как тоска выворачивает его сердце*; *horror scraped like steel files* [25, p. 593] / *страх царапал, как стальной напильник*; *indignation scraping me raw* [Ibidem, p. 247] / *возмущение царапало меня до крови*; *a mild tug of sympathy* [27, p. 20] / *слегка тянущее чувство сострадания*. Для вербализации эмоции может использоваться традиционная медицинская терминология, применяемая при описании симптоматики: *a spasm of desperation* [25, p. 249] / *спазм отчаяния*; *a spasm of bellicose rage* [27, p. 41] / *спазм воинственного гнева*; *a spasm of satisfaction* [26, p. 50] / *спазм удовлетворения*; *platitudinous yet genuine spasms of exhilaration and sweet promise* [25, p. 21] / *банальные, но самые настоящие спазмы возбуждения и сладостного предвкушения*; *sharp pangs of homesickness* [24, p. 502] / *острая боль тоски по дому*; *a curious pang of pity and regret* [26, p. 87] / *странная острая боль жалости и раскаяния*; *a piercing pang of regret* [25, p. 252] / *пронзающая боль сожаления*. Эмоция наделяется перцептуально воспринимаемыми свойствами: вкусом, запахом, цветом, весом, температурой и т.п.: *a dry, rusty taste of fear in his mouth* [24, p. 326] / *сухой, ржавый вкус страха у него во рту*; *I sensed a heavy emotion roiling inside me that was like the onset of mourning* [25, p. 252] / *Я почувствовал, как у меня внутри перекачивается тяжелое чувство, которое было похоже на начало траура*.

На первый взгляд представляется очевидным, что в основе всех перечисленных здесь способов вербализации эмоции лежит метафора. Однако нельзя не заметить, что все из них имеют более или менее выраженный метонимический «привкус». Так, например, в словосочетаниях типа «*a stab of fear / envy / sympathy, etc.*» существительное *stab* передает значение специфического воздействия на тело, осуществляемого и ощущаемого на поверхности кожи. Ср.: *stab (N) – an act of stabbing; stab (V) – to kill or hurt someone by pushing a knife or another sharp object into their body* [16, p. 1388] / *убивать или ранить кого-либо ударом ножа или другого острого предмета в тело*. Обретаемый внешнетелесный опыт переносится в сферу тела внутреннего. Поскольку внешнее и внутреннее тело формируют единый домен, такой перенос следует признать метонимическим. Его распознаванию препятствует яркость, образная интенсивность используемой метафоры, которая описывает качественные характеристики ощущения, выводя за пределы внимания его пространственные аспекты.

Единицы *wrench* и *tug*, используемые в именной или глагольной форме, репрезентируют кинетический опыт, который предполагает участие всего тела, но осмысляется в первую очередь как активность или результат активности тела внешнего. Ср.: *wrench (N) – a strong movement of pulling and twisting something (энергичное движение, посредством которого нечто вытягивается или выворачивается); wrench (V) – to injure a part of your body by twisting it suddenly (травмировать часть тела посредством неожиданного выворачивания); tug (N) – a short strong pull (резкая сильная тяга); tug (V) – to pull someone or something by making a short strong movement (потянуть что-либо или кого-либо на себя коротким сильным движением)* [Ibidem, p. 1663]. Существующая для выполнения этих действий кинетическая норма, как правило, предполагает участие конечностей, в особенности рук. Намеренное затенение данного аспекта действия, абстрагирование от его естественных динамик и представление его как некоторого чистого, бессубъектного движения заставляет трактовать подобный вид номинации как метафорический. Однако, как нам представляется, метафорический перенос не был возможен, если бы отсутствовал изначальный экспериенциальный базис, и основу для метафоры опять же составляет метонимия.

Несколько иная ситуация наблюдается при употреблении словосочетаний типа «*a spasm of rage*». Спазм – это явление, локализуемое в мышцах и сосудах, и, следовательно, принадлежащее сфере внутреннего тела. Перенос из сферы внешнетелесного опыта в сферу внутреннего в данном случае отсутствует. Концептуальный механизм, лежащий в основе подобных номинаций, может быть смоделирован следующим образом. Ощущение, в той или иной мере соответствующее определению «спазм», является составляющей соматического маркера многих эмоций. Известно, что чувство тревоги связано со спазмированием крупных сосудов, расположенных в грудной клетке. Многие регистрируют спазмообразные ощущения в желудке и кишечнике, когда испытывают страх. Полноформатная словесная репрезентация данного психосоматического комплекса должна была бы выглядеть так: *I felt a spasm in my stomach because I was frightened (Я почувствовал спазм в желудке, потому что я был напуган) / There was a spasm in my stomach caused by fright (У меня в желудке был спазм, вызванный страхом)*. В этом «миниконцерте страха» [8, p. 69] совершенно отчетливо участвуют три компонента: интероцептивное ощущение, орган, в котором локализуется ощущение, и эмоция, причем

эмоция выступает каузатором ощущения. «Изыятие» из описания органа или части внутреннего тела, в котором локализуется ощущение, и прямое «замыкание» ощущения на эмоции следует, по-видимому, трактовать как метонимию (*My fright caused a spasm – My fright was a spasm*). С другой стороны, тот факт, что эмоция уподобляется interoцептивному ощущению и фактически принимает его форму, придает высказываниям такого типа метафорический характер (*My fright was like a spasm / Мой страх был как спазм*).

В ситуациях такого рода весьма интересной и перспективной представляется идея, высказанная Ж. Фоконье. Анализируя метафору *ANGER IS HEAT / ГНЕВ – ЭТО ЖАР*, он предлагает считать жар, гнев и телесные реакции, связанные с гневом и, следовательно, метонимически соотносящиеся с ним, одним элементом в составе бленда. Следовательно, даже если обнаруживаются некоторые идентификационные признаки метафоры, они не позволяют четко отграничить ее от метонимии [10]. Предложенный Ж. Фоконье подход оказывается особенно продуктивным при анализе контекстов, где эмоция наделяется запахом, вкусом, температурой, весом и другими перцептуально воспринимаемыми характеристиками. Разграничение метафоры и метонимии и построение линейной модели концептуальной проекции представляется в таких случаях предпочтительным и целесообразным.

Все описанные выше стратегии вербальной репрезентации эмоциональных состояний основаны на одном и том же принципе: эмоция эксплицируется, и реальность ее существования подтверждается указанием на специфический для нее телесный маркер. Непосредственное название эмоции является неотъемлемой частью синтаксического комплекса, в состав которого оно входит. Более интересны, с нашей точки зрения, контексты, в которых сама эмоция не называется, но которые, тем не менее, однозначно интерпретируются как описание некоторого эмоционального состояния.

Пожалуй, наиболее показательными из них являются описания сердечных ощущений, широко представленные в корпусе текстов У. Стайрона. В англо-саксонской культуре сердце традиционно считается локусом эмоций и чувств. Ему приписывается способность к совершению ряда действий и переходу в различные состояния. Выбор языковых средств при этом обусловлен типом переживаемой эмоции и степенью ее интенсивности.

Так, например, эмоция страха вызывает существенные изменения сердечного ритма, которые могут концептуализироваться несколькими способами:

1) нарушение ритма работы, «пропуск» одного из циклов: *My heart would skip a beat* [27, p. 191] / *Мое сердце пропускало один удар*;

2) увеличение скорости и силы колебательного движения: *Her heart commenced pounding again* [25, p. 334] / *Ее сердце вновь сильно забило*;

3) совершение интенсивных ритмичных движений, сопровождаемых звуком: *my heart began a clumsy thumping* [Ibidem, p. 249] / *мое сердце стало неуклюже биться с глухим стуком*; *his heart thudded against his breastbone like an overworked pump* [24, p. 398] / *его сердце стало с глухим стуком биться о грудную клетку, как переработавший насос*;

4) совершение однократного перемещения по внутрителесному пространству с возвратом в первоначальное положение: *My heart always gave a terrible jump and I'd feel this nausea go through me whenever Wanda mentioned guns* [25, p. 571] / *Мое сердце всегда совершало ужасный прыжок...*;

5) поступательное движение по горизонтальной оси (быстрый шаг или бег): *My heart went into a bumping erratic trot <...>* [Ibidem, p. 226] / *мое сердце сбилось на неровную неуверенную рысь <...>*; *<...> her heart once more gave a tumultuous lurch* [Ibidem, p. 278] / *<...> ее сердце вновь заспешило вперед шатким, беспорядочным шагом*.

Примечательно, что эмоция страха, как правило, концептуализируется как активное действие, осуществляемое самим сердцем, наделяемым субъектной инициативой. Другие эмоциональные состояния, за исключением, пожалуй, гнева, концептуализируются в основном как воздействующие на сердце, но не предполагающие активного отклика с его стороны. Печаль, например, заставляет сердце пассивно опускаться вниз: *My heart sank like a rock* [24, p. 297] / *Мое сердце упало, как камень*; *Needless to say, my heart simultaneously sank and broke at this awful news* [25, p. 8] / *Нужно ли говорить, что мое сердце одновременно упало и разбило, когда я услышал эту ужасную новость*; уменьшаться в объеме: *My heart fairly shriveled away at these words* [Ibidem, p. 253] / *При этих словах мое сердце сжалось*; пассивно реагировать на воздействие перемещением или изменением конфигурации: *and I recalled feeling a small tug at my heart* [27, p. 46] / *я вспомнил это чувство, когда легонько тянут за сердце*; *something wrenched painfully at my heart* [26, p. 30] / *что-то больно вывернуло мне сердце*; *my heart was near about torn from its roots* [24, p. 424] / *мне сердце чуть не вырвали с корнем*; становится пассивным объектом деструктивного воздействия: *<...> the cry of «Flowers, flowers!» skewering my heart as it had done when I was a child* [27, p. 115] / *<...> крик «Цветы! Цветы!» словно вертел вонзил мне в сердце...*

Во всех контекстах вышеописанных типов экспликация эмоции представляется избыточной, поскольку специфичный для нее соматический маркер считается типичным. Если контекст допускает возможность альтернативных интерпретаций, У. Стайрон, как правило, снимает многозначность, инкорпорируя в текст указание на описываемое им состояние: *<...> I retorted, feeling an alarming coronary turbulence as I strove to control my rage* [Ibidem, p. 82] / *<...> Я ответил, чувствуя пугающую меня дрожь в сосудах и пытаюсь справиться с гневом*; *<...> I saw Mason at last – my heart giving a huge lurch of misery as I saw his long familiar outline beneath a blanket <...>* [24, p. 253] / *<...> Наконец я увидел Мэйсона, и мое сердце сильно зашаталось от жалости, когда я увидел знакомые очертания тела под одеялом <...>*.

С другой стороны, описание эмоции в терминах физиологических состояний позволяет уйти от проблемы ее точной идентификации. Человек способен испытывать сложный комплекс эмоций, не поддающийся терминологическому обозначению. Описание соматических состояний, испытываемых в момент эмоционального напряжения, способно пробудить у читателя непосредственный телесный отклик и сформировать у него более точное и объемное видение ситуации. Ср.: *Her nose was swollen with grief and the pink tear stains marred her extraordinary beauty, but not so much that the beauty itself <...> failed to melt me on the spot – a distinct feeling of liquefaction emerging not from the heart's region but, amazingly, from that of the stomach, which began to churn as if in revolt from a prolonged fast* [25, p. 58] / *...отчетливое чувство разжигания, которое исходило не из области сердца, но, странным образом, от желудка, который начал ворочаться, будто бунтуя после продолжительного поста*; *When the fat off choirs burst into gospel hymns like —Precias Jesus” and —Did ‘t It Rain!” I got a charge that began to encircle my bottom and then moved straight up my spine to my skull, where it climaxed in a mini-electrocution, setting all the hairs of my scalp on end* [22, p. 82] / *...я почувствовал разряд, который начал кружить по моим ягодицам, а затем двинулся вверх по позвоночнику к черепу, где он достиг пика, ударив меня током, отчего все волосы у меня на голове встали дыбом*.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что соматический маркер – это явление не только физиологическое, но и в определенной степени культурно-обусловленное. Возможность описания эмоции в физиологических терминах существует именно потому, что комплекс физиологических реакций считается в пределах данной культуры типичным для той или иной эмоции. О влиянии культуры на восприятие ощущений и описание эмоциональных состояний пишут П. Филиппот и Б. Райм, указывая на то, что культура формирует определенные экспектации в отношении возможных физиологических и психологических состояний. Если в культуре бытует наивный стереотип, что людям становится жарко от гнева и холодно от страха, они ретроспективно описывают свои эмоции именно в этих терминах, независимо от того, испытывали ли они эти состояния на самом деле [19]. Именно эти экспектации отражены в концептуальных метафорах, обширно репрезентированных в произведениях У. Стайрона. Особенно показательны описания эмоции страха: *I could not get rid of the chill I felt in my heart and bones* [24, p. 231] / *я не мог избавиться от дрожи, которую ощущал в сердце и костях*; *He felt ice water flowing in his veins* [Ibidem, p. 514] / *Он почувствовал, что по венам у него течет ледяная вода*; *With a wintry shiver that ran through all her bones, through her fingers <...> and to the cold bottoms of her feet, she clenched her eyes tightly shut in the smothering and absolute conviction that she was dying* [25, p. 120] / *Чувствуя зябкую дрожь, которая пробежала через все ее кости, через пальцы и устремлялась к холодным пяткам...*.

К сожалению, формат статьи не позволяет представить исчерпывающего описания всех возможных способов концептуализации эмоций, даже в пределах корпуса текстов одного автора и определенного типа контекстов. Мы преследовали гораздо более скромную задачу: определить функции метафоры и метонимии при концептуализации эмоций и выявить механизм их взаимодействия. На основании изложенных в статье наблюдений можно прийти к следующим выводам: 1) метонимия и метафора находятся в отношениях корреляции и ко-детерминации, формируя сложный концептуальный механизм, который терминологически может быть обозначен как метафтонимия; 2) основная роль метонимии заключается в инкорпорировании телесного опыта в опыт переживания психических феноменов; 3) метафора служит для передачи качественных характеристики испытываемого телесного ощущения; 4) интерпретация механизма метафтонимической проекции, в особенности функций метонимии в его составе, во многом обуславливается философской позицией автора в вопросе о взаимоотношении физического и психического начал в человеке и той роли, которую играет тело в процессе познания и осмысления мира.

Список литературы

1. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
2. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
3. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 128 с.
4. Barcelona A. Introduction: The Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: a Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 1-28.
5. Barnden J. A. Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery // *Cognitive Linguistics*. 2010. Vol. 21. Issue 1. P. 1-34.
6. Bridges K., Goldberg D. Somatization in Primary Health Care: Prevalence and Determinants // *Primary Health Care and Psychiatric Epidemiology* / ed. by B. Cooper, R. Eastwood. London: Routledge, 1992. P. 341-350.
7. Damasio A. *Descartes' Error*. N. Y.: Penguin Books, 2005. 312 p.
8. Damasio A. *The Feeling of What Happens*. N. Y.: Harcourt, Inc., 1999. 386 p.
9. Dirven R. Metonymy and Metaphor: Different Mental Strategies and Conceptualization // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 75-111.
10. Fauconnier G. Generalized Integration Networks // *New Directions in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 147-160.
11. Fisher S. *Body Consciousness*. London: Calder and Boyars, 1973. 176 p.
12. Geeraerts D. The Interaction of Metaphor and Metonymy in Composite Expressions // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by R. Dirven, R. Porings. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 435-456.
13. Gibbs R. W. *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 338 p.
14. Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. I (3). P. 323-340.

15. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. USA: Cambridge University Press, 2003. 224 p.
16. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners**. Oxford: Macmillan Education, 2003. 1692 p.
17. **Marmaridou S.** The Case of *Prosopo* 'Face' in Modern Greek // *Embodiment via Body Parts: Studies from Various Languages and Cultures* / ed. by Z. A. Maalej, N. Yu. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 23-40.
18. **Nagornaya A.** Discourse of the Inexplicable: Verbal Representation of Interceptive Sensations // *International Journal of Arts and Sciences*. 2013. Vol. 6. № 1. P. 171-185.
19. **Philippot P., Rime B.** The Perception of Bodily Sensations During Emotion: a Cross-Cultural Perspective // *Polish Psychological Bulletin*. 1997. № 28. P. 175-188.
20. **Radden G.** How Metonymic are Metaphors? // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: a Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 93-108.
21. **Steen G. J. et al.** *Pragglejazz in Practice: Finding Metaphorically Used Words in Natural Discourse* // *Researching and Applying Metaphor in the Real World* / ed. by G. Low et al. UK: John Benjamins, 2010. P. 165-184.
22. **Styron W.** *A Tidewater Morning*. N. Y.: Random House, 1993. 144 p.
23. **Styron W.** *Darkness Visible: a Memoir of Madness*. N. Y.: Random House, 1990. 86 p.
24. **Styron W.** *Set this House on Fire*. London: Vintage, 2001. 568 p.
25. **Styron W.** *Sophie's Choice*. N. Y.: Bantam Books, 1980. 628 p.
26. **Styron W.** *The Confessions of Nat Turner*. London: Vintage, 2004. 418 p.
27. **Styron W.** *The Suicide Run: Five Tales of the Marine Corps*. London: Vintage, 2009. 1990 p.
28. **Vainik E.** Dynamic Body Parts in Estonian Figurative Descriptions // *Embodiment via Body Parts: Studies From Various Languages and Cultures* / ed. by Z. A. Maalej, N. Yu. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 41-70.
29. **Warren B.** Referential Metonymy // *Scripta Minora*, 2003-4. Sweden: Royal Society of Letters at Lund, 2006. P. 1-85.
30. **Yu N.** The Relationship Between Metaphor, Body and Culture // *Body, Language, and Mind* / ed. by R. M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, E. Bernardez. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2008. Vol. 2. Sociocultural Situatedness. P. 387-407.

METAPHTONOMY IN SPHERE OF EMOTIONS CONCEPTUALIZATION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Nagornaya Aleksandra Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City Teachers' Training University
alnag@mail.ru

The article analyzes the action of metaphonymy projection mechanism in emotions conceptualization in the modern English-language culture. The research object is the descriptions of emotional states, which use somatic vocabulary for denoting mental processes. The article shows the role of metonymy in the incorporation of corporal dynamics in the process of the comprehension of emotions, and demonstrates the function of metaphor in conveying the qualitative characteristics of an emotional state.

Key words and phrases: metonymic and metaphorical projection; metaphonymy; verbal representation; conceptualization; emotion; experiential basis; somatic marker.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

В статье представлен опыт разработки учебно-методического пособия для обучения устному иноязычному профессиональному общению студентов неязыковых специальностей (на примере подготовки специалистов сферы управления). Подробно описывается структура пособия, приводятся примеры заданий, способствующих совершенствованию навыков говорения в рамках профессиональной тематики.

Ключевые слова и фразы: учебно-методическое пособие; иноязычное профессиональное общение; речевые клише; учебно-речевая ситуация; ролевая игра.

Надеждина Елена Юрьевна, к. пед. н., доцент

Шатурная Елена Алексеевна, к. пед. н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет
e_a_shaturnaya@mail.ru; nadezhdina_elena_tsu@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ: ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ[©]

В последние годы изучение иностранного языка студентами-менеджерами становится неотъемлемой частью их общего и профессионального образования. Согласно разработанной УМО по лингвистическому образованию (неязыковые вузы) при Московском государственном лингвистическом университете примерной программе дисциплины «Иностранный язык», в качестве основной цели предусматривается достижение коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной информационной и творческой